

УДК 304.44(470+571)
ББК 71.41(2Рос)
DOI 10.25281/2072-3156-2022-19-1-4-14

А.Г. ПУДОВ

ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: К КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Алексей Григорьевич Пудов,

Якутский научно-исследовательский институт
сельского хозяйства им. М.Г. Сафронова —
обособленное подразделение Якутского научного центра
Сибирского отделения Российской академии наук,
отдел социально-экономического развития села,
ведущий научный сотрудник
Бестужева-Марлинского ул., д. 23, корп. 1,
Якутск, 677001, Россия

кандидат философских наук, доцент
ORCID 0000-0001-6215-9461; SPIN 1902-7104
E-mail: agro_on_line@mail.ru

Реферат. В статье предлагается концепция культурного федерализма, способствующая устойчивости этнокультур в эпоху глобальной унификации. Новое понимание федерализма реанимирует смыслы модерна, способствуя синергии многонациональной культуры России, преодолению отчуждения и дезинтеграции мультикультурализма.

Новизна работы заключается в обосновании концепции культурфедерализма vs этнофедерализма. Концепция адекватна культурной ситуации современной России, ее многонациональному культурному

капиталу, способному противопоставить сецессии интеграционную модель взаимодействия и взаимообогащения культурных программ. Культурный федерализм способствует выработке общенациональной российской идеи, отсутствие которой снижает эффект национальной консолидации и национального строительства.

Предлагаемая концепция служит инструментом разрешения противоречия между формой и содержанием «снящего» этнического федерализма. Рассмотрено диалектическое саморазвитие субъектов федерации, вступающих в эпоху органических социокультурных модернизаций. Последнее выражено этнокультурным ренессансом в сфере искусства. Так, этномодерн в искусстве Якутии демонстрирует продуктивность, обеспечивая устойчивость этнических культур Северо-Востока России от размывания их нравственных и духовных оснований.

Ключевые слова: этническая культура, этнос, этнический федерализм, культурный федерализм, глобализация, символические формы культуры, мультикультурализм, альтермодерн, этномодерн, философская антропология, философия культуры, устойчивое развитие, экология культуры, экономика культуры.

Для цитирования: Пудов А.Г. Фактор устойчивости этнической культуры в глобальном мире: к концепции культурного федерализма // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 1. С. 4–14. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-1-4-14.

Расцвет идей федерализма пришелся на XX столетие — время утраты исторических перспектив абсолютными монархиями. Идеи федерализма возникли на Западе, в попытках придать реальные формы символическому понятию «государственный суверенитет», в которых общество может практиковаться. Россия начала 1990-х гг., по мнению аналитиков [1], под федерализмом задумывала механизм, препятствующий возрождению абсолютной централизованной власти, что было реакцией на уходящее политическое единоличие компартии. Методологический инструментарий пары «централизация — федерализация» по-прежнему остается важным в анализе российской политической и социокультурной реальности.

Современное прочтение федерализма, остающегося метафизической (символической) формой, должно продолжать наполняться содержательными смыслами. «Времена изменились, и мы изменились вместе с ними, а формула, важная для позавчерашних компромиссов вчерашних властителей дум и вершителей судеб, осталась и зажила своей жизнью в новых контекстах» [2, с. 83], отнюдь не проясняющих изначальные смыслы. А.М. Салмин лаконично высказывается об идее федерализма: «...федерация — это такая модель, которая предполагает, что характер отношений между государством в целом и его составными частями не может быть изменен без их обоюдного согласия» [2, с. 84]. Схожие мысли можно найти и у других исследователей. Так, Г. Хибуа пишет: «Установление перманентного равновесия между несколькими носителями власти есть насущная задача федерализма» [3]. В противовес централизму, разрешающему конфликты с привилегированной позиции, «именем всеобщих интересов», с подавлением партикулярных интересов, федерализм способен унифицировать социальные отношения, приведя их к общему знаменателю, снимающему конфликты в федеративном государстве.

Проблемный узел современного федерализма в России вращается вокруг незрелости артикулированного сознания, когда власти не могут действовать в рамках строгости формальных принципов федерализма. Это выливается во взаимные упреки. Отечественная практика федеративных отношений сместилась к нулевой точке, являясь в недалеком прошлом политическим и финансовым торгом между властными элитами [4, с. 127]. Естественно, что реальный федерализм в подобных услови-

ях реализован не будет, как не будет понятен и его смысл обществу. Возникает проблемный вопрос: зачем нужна искаженная между формой и содержанием модель федерализма, не способная разрешать существующие проблемы и есть ли способы органического решения данной ситуации? Напомним, что с позиции философского знания данный институт «означает институционализацию противоречий в единый синтез», придает им форму диалога, продлевающего существование символических форм цивилизованности [3]. Считаем, что необходимость формирования качества сознания общества, желаемого практиковаться в сложных социальных и политических формах, должна начинаться с освоения метафизики символических форм, артикуляция которых всегда была проблемой российской действительности. У общества должен оставаться люфт для проявления собственных усилий саморазвития и практики подобных символических форм.

Цель настоящей работы — исследование федерализма, принимающего во внимание развитие следствий исторических и культурных различий отдельных территориальных частей страны, как это сложилось в нашем государстве в социалистической по содержанию и европейской по форме парадигме этнического федерализма. Это станет отправной точкой развития концепции культурного федерализма, возвращающего отвлеченный метафизический смысл идеи федерализма и становящейся фактором устойчивости этнической культуры в современном мире. Новизна работы заключена в обосновании концепции культурфедерализма в противоположность этнофедерализму как более соответствующей многовековому культурному капиталу многонационального государства, способному противопоставить сепаратизму и распаду интеграционную модель взаимодействия и взаимообогащения культурных программ.

В свете сравнения двух моделей федерализма возникают конкретные задачи вопрошания новых форм, продвигающих идеи социокультурной модернизации, исчерпавшей, как полагает В.Г. Федотова, свой политический и экономический дискурс [5, с. 7–8] и сконцентрированной теперь на поиске устойчивого консенсуса ценностей и стилей жизни, что принадлежит культурной сфере. По ее мнению, в условиях глобализации осуществляется новый поворот модернизации, перестающей быть догоняющей, а это означает, опережающей Запад по определенным индикаторам использования социокультурной особенности региона и страны в целом [6, с. 67]. Такое видение предлагает регионам выстраивание долгосрочных программ развития, институтом которых могут стать новые формы федерализма и соответствующей идентичности. Этот институт можно назвать «промежуточным институтом», позволяющим осуществить «тонкую настройку реформ» [7, с. 235].

ЭТНИЧЕСКИЙ VS КУЛЬТУРНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Привычные онтологические схемы о невозможности диалога «Запада с не-Западом» на базе западной метафизики, как утверждает Р.О. Рзаева [8, с. 89], в уникальном случае национальных регионов России, приобщившихся за пару веков к модерну, неактуальны. Приемлемое в отмеченном дихотомическом дискурсе апеллирование к методологии постмодерна [9], в случае этнонациональных регионов Российской Федерации становится малопродуктивным, ибо способ бытия «быть увиденным Другим» в постмодерне становится ограничением для метафизического консенсуса, реального фундамента синергии кооперации разных национальных культур многонационального государства и, в частности, институционализации федерализма в России. Считаем, что метанарратив «Запад» и его производная «модерн» как для центра, так и периферии России уже является универсальным и приемлемым для ситуации национальных российских регионов, прошедших 70 лет активного, а затем 30 лет пассивного сближения и слияния наций и национальностей, словами А.Я. Флиера, — диффузную и структуралистскую культурную динамику [9].

Напомним, бытуют мнения, что одним из следствий парадигмы этнического федерализма становится не укрепление, а ослабление государства [10, с. 8], фрагментирующего политическое пространство страны. Здесь следует отметить два аспекта указанного утверждения. Во-первых, предлагаемый глобальным постмодерном мультикультурализм, отрицая индивидуальность, утверждает «мягкий тоталитаризм» и групповую идентичность с конформизмом [11, с. 303], тем самым препятствуя индивидуальной интеграции представителей разных культур в гражданское общество [12]. Во-вторых, аспект системного анализа напоминает, что стремление к гомогенности в сложной системе на исторически длительном промежутке ухудшает ее стабильность и гибкость при ответе на вызовы внешней и внутренней среды. Гетерогенность, читай многонациональность, — продукт российского эгрегора, его духовная и культурная составляющая, испытанная веками и апробированная идеологизаторским и социокультурным преобразованием советской эпохи. Эта культурно-историческая основа, вобравшая в советской терминологии «дружбу народов», «интернационализм», «слияние и сближение наций», является пока нерастратенным социальным и культурным капиталом для поиска новых культурных форм федерализма.

Отметим, что в рассматриваемой ситуации продуктивно вести разговор в рамках парадигмы аль-

термодерна, нежели постмодерна — продукта западной культуры, рефлексирующего недостатки модерна, например ценностного отношения к природе как покоряемой стихии инициативным субъектом, приписывающим лишь себе право преимущества [8, с. 91]. Желание идеологической подмены универсальных интересов групповыми, например этническими, снижает ранг ответственного диалога «субъектов социального творчества», приводит, по мнению А. Бузгалина, в конечном итоге не к культуре Запада, а масскультурным симулякрам [13, с. 19], пригодным для массовой потребности. Вариант альтермодерна с подчеркнутой социокультурной доминантой, проявленной, например, эстетическими поисками в якутской культуре рубежа XX–XXI вв., показан в некоторых наших работах [14; 15]. Это принципиально вписывается в вариант «альтернативной современности» как «диалога между мирами» [8, с. 93].

Культурный ренессанс, испытываемый сегодня регионами России, ярким примером которого становится Якутия [16], является историческим итогом этнического федерализма с диалектикой его реализации в 1990-х и декларативностью 2000-х годов. Сегодня Россия осталась «федерацией только формально» [10, с. 7] и нуждается в процессе усложнения системного многообразия. Мы считаем, что модель культурного федерализма может стать гарантией защиты и развития культурно-исторических особенностей, сильно подверженных ассимиляции массовой знаковой культурой глобального постмодерна. Вместе с тем она не будет потакать глобальному капиталу в устройстве удобного для него этнического замыкания и сепаратизма идеологии мультикультурализма.

К сожалению, национальные идеи, предлагаемые политическими элитами, могут оставаться онтологически неукорененными в своей идеологической природе. Ранг феномена идентичности такой системы занижен. Повысить ранг подобных национальных концептов позволяет, по нашему мнению, онтологически конципированная айдентити¹ [17, с. 266–278], которая должна фундировать национальную идею России. Поэтому суть культурного федерализма в России мы видим в многообразии моделей современности (multimodernity, по Ш. Айзенштадту [18]) многонациональной России, органическая модернизация народов которой испытывает активную фазу.

В связи со сказанным считаем, что ансамбль культурных модернизаций — условие духовно сильной России, которая за несколько столетий напи-

¹ Онтологически конципированную идентичность мы обозначили словом в английском звучании — «айдентити» для отличия от других типов социальной, психологической, национальной идентичности.

тала культурным ренессансом модерна национальные культуры регионов. Республика Саха (Якутия) оказалась удачной социокультурной ойкуменой для преодоления культуры премодерна мировых конфессий, сохраняя аутентичную особость домодерна своей мифологической эпохи традиционного общества. Это синергия синтеза модерна и этнокультурного капитала, рождающая новое универсальное понимание этнического и через него воспроизводящая смыслы утраченного модерна. Последний в западной культуре замещен пустым или карнавальным постмодерном. В этом заключена духовная сила народов России, а также способ возврата западной культуре смысла, ценности и рациональности утрачиваемого модерна, преломленного сквозь призму этнического, как это ни прозвучит необычно. Подобные идеи выдвигает современный исследователь этнических культур Китая Адань, которые обозначены им диалектическим сочетанием традиционных основ этнической культуры и синтезированием «наиболее актуального и активно заявившего о себе... культурного опыта... преломленного на этническую почву конкретного этноса» [19, с. 13].

Напомним, в советские времена национальные философы Якутии, например А.Е. Мординов, обрисовывали ситуацию свободного и всестороннего развития национальных культур как основы «развития социалистической культуры многонационального Советского государства в противоположность упадку и деградации, которые составляют закон развития культуры капиталистического общества» [20, с. 19]. Без идеологических клише прошлого культурному упадку и деградации глобального капитализма мы должны противопоставить свободное и всестороннее развитие национальных культур России, формирующих этнический культурный капитал населяющих государство народов. Базовой основой в этом процессе должна стать социокультурная модернизация, на своих культурных основаниях завоевывающая достижения модерна. К слову, «отраженный» культурный ренессанс — универсальный метафизический продукт русского Серебряного века — до сих пор питает мировую культуру. Новый этап ренессанса модерна в лице этномодерна осуществляется за счет расширения этнокультурного спектра сознания до универсальных значений. Это станет гарантией и фундаментом формирования гражданской и демократической надэтнической культуры. В Якутии таким основанием является парадигма этномодерна, ярко проявившая себя в сфере национального искусства рубежа XX—XXI веков.

Единство многонациональной культуры России — в органически освоенном модерне, причем освоенном на собственных этнокультурных основаниях народов, населяющих государство. Это условие является источником их саморазвития и форми-

рования единого интернационального культурного пространства России, когда каждая культура дополняет и обогащает ее. Описанное представляет собой диалектическое саморазвитие идей, усовершенствованных философами национальных регионов советской эпохи, дискутировавших о сближении и слиянии наций [21, с. 31]. Причем сближение, как представляется, можно интерпретировать через овладение знаковой культурой (техникой, наукой), а полное слияние, в советское время понимаемое через решающую сферу — социально-экономическую и политическую, интерпретировать сегодня через практику символических форм гражданского общества, демократических институтов, важных завоеваний модерна. На языке философии культуры это звучит так: «...становясь нацией, народ не растворяется в наднациональном пространстве, но включается в него с минимальными для себя потерями и издержками, сохраняет свою особенность и самобытность» [22, с. 11–12].

Россия испокон веков сохраняла свою многонациональность, «российскую мультикультурность», источником которой был не изоляционизм, а взаимообогащение на основе русской культуры. Западный вариант мультикультурализма представляет отсутствие синтеза и ансамбля множества культур, где объединяющей стала идея всеобщего обогащения. Ничего иного в рамках глобалистской капиталистической парадигмы быть не может. Западная основа мультикультурализма по своей природе внеонтологична и некомплиментарна нравственной природе человека. По мнению С. Жижека, мультикультурализм стал обратной стороной беспрецедентной гомогенизации мира капитализма [23, с. 115], обостряющего противоречие между глобализацией (постмодерном с его уважением культурных различий) и универсализмом (модерном в политическом измерении, т. е. всеобщих требований демократии, гражданства, подлинном европейском наследии, берущем начало в Древней Греции). С. Жижек оставляет открытым вопрос о формах и институтах реполитизации в Европе как единственном механизме против «регрессивных форм фундаменталистской ненависти», порождаемой либеральной глобализацией [23, с. 147–150]. Таким образом, политике глобализма «разделяй и властвуй» [24, с. 746], проводимой посредством мультикультурализма, с которым Европа зашла в тупик дезинтеграции, следует поставить заслон. Он должен предотвратить уничтожение ценностей пресловутым релятивизмом мультикультурализма, поставить барьер против атаки на идентификацию чего-либо как полезного [11, с. 303].

Российский вариант, заменяющий западный мультикультурализм, способен стать синергичным синтезом, дарующим через айдентити [17, с. 266–278] возможность овладения парадигмой этномо-

дерна. «Особенность» российского варианта разрешения противоречия в терминологии С. Жижека [23] между отстаиванием правыми общинной (этнической, культурной) идентичности, угрожаемой глобализацией, и политической артикуляции левых заключается в том, что культурный комплекс российских национально-этнических регионов органично вобрал в себя и то, и другое. Это уникальное сочетание домодерна и модерна, активно осваиваемого сегодня российским многонациональным народом в эстетической и социокультурной сфере. Это то, что происходит в самих границах региональных этнокультур, а именно, органичный выход на универсальные ценности, называемые исследователями единством во множестве, сохранением морали солидарного общества [25, с. 66].

Именно поэтому культурный федерализм становится опытом экзистенциального измерения жизни культуры российских регионов. Собственно, это процесс социокультурной модернизации в поисках институтов развития, способных аккумулировать консенсусные модели социальной солидарности и доверия в пространстве социальных связей. Причем возникающая обновленная культура представляет собой «смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела своих носителей» [26, с. 35].

КУЛЬТУРНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В РОЛИ ФАКТОРА УСТОЙЧИВОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Идея идеологического сплава — интернационализм — в СССР не была реализована в своей полноте по причине недостатка онтологических оснований. Однако этнический федерализм обеспечил фундамент, связал сложным комплексом, в том числе политических связей, социокультурные основы этноса с «кормящим ландшафтом» малой родины и всего государства. На базе исторически значимого этнического федерализма Россия обеспечила основу для развития идей интеграции и открытия этнической культуры в противовес западному мультикультурализму, которому свойственны изоляция и локализация в рамках многонационального государства. Российский этнический федерализм закрепил в сознании поколений соответствие фундамента социокультурных особенностей с малой родиной, землей предков, кормящим культуру ландшафтом. Следующий этап развития — культурный федерализм, начинаемый на базе этнических ценностей и мировосприятия, также онтологичен, но дополняется возможностью расширения до универсальных значений и смыслов.

Качественно иная ситуация сложилась с трудовыми мигрантами, вырванными из родной земли социально-экономическими и политическими неурядицами, подстегнутыми идеологией европейского мультикультурализма, строящего непроницаемые барьеры для интеграции и взращивания гражданского и демократического мировоззрения. Россия, по сравнению с этим, обеспечена большей социокультурной базой интеграции и открытости за счет исторически закрепленного этнического федерализма на родной территории, а с возможностью культурного федерализма — закрепляет за культурным многообразием российских регионов их сакральное право собственности на природную среду обитания — «кормилицу» этнических и инновационных культур современности. Поэтому культурный федерализм суть обоснование права собственности на духовную и материальную культуру будущих поколений — их право на язык, традиции и ритуалы, природную среду и настроенное под эту среду образование. «Отдавая будущему», мы параллельно работаем в модели культурного федерализма над вопросом формирования исторического субъекта культуры, предлагающего традицию духовного здоровья культуры, ее экологии, преемственность, вместо хаоса. Таким образом, культурфедерализм — это право на человеческое достоинство на территории федерации. Подобные принципы справедливости «ради будущих поколений» всегда были духовной скрепой культуры россиян.

По нашему мнению, фактором устойчивости этнокультуры становится реализация концепции культурного федерализма, обеспечивающего баланс между тенденциями срыва к этническому фундаментализму, с одной стороны, или унифицирующей ассимиляции глобальной культурой массовизации — с другой.

В содержательном аспекте устойчивость этнокультуры раскрывают следующие моменты:

- ♦ предложения регионами аутентичных программ культурного строительства, выявляющих эффект синергии многонациональности за счет выдвижения надэтнических идей культурного совершенствования, программ этнокультурной модернизации;

- ♦ продуцирование в рамках указанных программ новых креативных культурных продуктов средствами примеров продуктивного этномодерна, трансмиграции этносимволизма [17, с. 93–108], изменение качества этносимволического спектра национальной культуры;

- ♦ востребованность этнокультуры мировой культурой посредством трансляции этнонациональных культурных продуктов в любую точку глобального мира;

- ♦ формирование конструктивных примеров человеческого достоинства через отношение между

людьми, обществом и природой через выход на универсальные нравственные ценности с позиции своей локальной этнической культуры, а также посредством обогащения ценностного спектра мировой культуры, например в экологии, отношении к природе, другому человеку;

- ♦ производство массовых товаров культуры, брендированных культурным топосом регионов России.

Все вместе — это трансформация этносимволического капитала в качество и уровень жизни человека, онтологически укорененного в своей культуре и земле предков. Это трансформация этнокультурного спектра сознания в новые хозяйственные занятия, способствующие социально-экономическому развитию регионов. Последнее и есть гарантия от попыток сецессии.

Почему же мы ратуем за трансформацию в культурный федерализм? В традиционном обществе существовало полное соответствие и адекватность элементов триады «этнос — культура — социально-экономическая система хозяйствования». Каждый из элементов в ней, находясь в системной изоморфной связи, способен воспроизводить два остальных в своей неповторимой уникальности. Общество модерна, постмодерна и альтермодерна разорвало эту систему взаимосоответствия.

В современную эпоху этнос стал производным культурной самоидентификации, которая в глобализирующемся мире, по мнению западных исследователей [27; 28], несет черту динамизма и нестабильности, а поэтому многосоставной сложности. Оставаться в парадигме этнофедерализма становится непродуктивно. Приматом нужно считать совокупную, многоуровневую, сложную культуру, суть детерминирующую конструкт «этнос», и его экономику с социальной структурой. Культура становится производящим началом.

В связи с этим модель культурного федерализма способна производить и многоукладную экономику. Культура становится каузальным источником для культурного взаимообогащения, при этом каждый регион предлагает в устоявшихся территориальных границах этнического федерализма свою совокупность культурных продуктов для экономики страны, потому как культура способна преуспевать в чем-то конкретном и конкурентоспособном на мировом рынке. Это ее ноу-хау, ее культурэкономика.

При всем этом строительство культуры происходит на фоне парадигмы этномодерна. Последнее есть не что иное, как выстраивание надэтнического — демократического и гражданского, чего нет и не будет в мультикультурализме. Это тот, наверное, единственный способ избежать этноцентризма и фундаментализма и в то же время не растратить этнокультурный капитал.

Предлагаемая парадигма культурного федерализма становится вариантом решения проблемы, обозначенной М.Х. Фарукиным как «этнизация политики» [29, с. 41]. В настоящее время ее активно никто не решает, даже на теоретическом уровне в рамках преодоления «узких мест» парадигмы этнического федерализма, часто обвиняемого в сецессии — разрушении государственной целостности и сепаратизме.

Необходимо заметить, что этнофедерализм де-факто вбирает в свою методологическую орбиту научную дискуссию и политическую полемику вокруг сецессии. Это неизбежное следствие теоретико-методологического видения через призму феномена этноса/этничности. Необходима плавная смена парадигмы в развитии идей российского федерализма, богатого в содержательном и формотворческом плане, в направлении идеи культурцентризма. Культурцентризм несет иное видение проблемных вопросов, вынося их на плоскость конкурирования культурных программ и продуктов в социально-экономическом аспекте.

Мы полагаем, сегодня этнос стал продуктом культуры, нежели наоборот, культура — продуктом этноса [30; 31]. И это видение вполне адекватно конструктивизму, предполагающему этнос конструктом социально-политической самоидентификации или внешней политической мобилизации. Поэтому заикливание на этническом — это привязывание к политическому, идеологическому контексту, нежели онтологическому, как это обстоит в культуре, воспроизводящей феномен личности, человека как нравственного и морального начала.

Такую ситуацию идеологической подмены онтологического на идеологическое мы пытаемся разрешить, апеллируя к айденити — онтологической идентичности. Таким образом, культурный федерализм, или культурфедерализм, становится культивированием онтологически конципированного продукта: развитой гражданской личности, субъекта истории российского государства. Это не скатывание к политическому торгу и полемике асимметричности федерализма. Культурфедерализм суть процесс конкурирования и синергии культур как проводников целостной личности, развитой духовно и материально гражданской личности, субъекта истории глобального мира, социально-экономического развития и повышения качества жизни регионального сообщества.

Ко всему сказанному добавим: концепция культурного федерализма может стать основой или идейным трамплином для производства национальной идеи России, ментальным конструктом символического плана, способствующим взаимопониманию и общению этносов и культур. Это оправдано, так как в ситуации постмодерна и утраты больших нарративов предыдущие идеологемы являются не-

дееспособными, растратившими свой мифологический потенциал. Они демифологизированы в контексте советского прошлого или дезавуированы на этом фоне в капиталистической современности. Новые концепции, но не мифы или идеологемы, должны быть качественно новым продуктом, вобравшим в себя онтологически конципированную идентичность представителей глобального мира.

СООТНОШЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Обратимся к некоторым содержательным аспектам феномена российской идентичности. Как отмечают И.Н. Лисаковский [32], О.Н. Астафьева [33], Т.Г. Богатырева [34], в современной России обозначилась проблема наличия единого социокультурного пространства. Целостность и, самое главное, духовная мощь России обеспечиваются не столько общим экономическим и политическим пространством, сколько наличием единой для страны социокультурной идентичности. Последняя не выработана.

На фоне размытия социально-ориентирующих индентичностей (национальных, религиозных, территориальных, гендерных и пр.) возникают вторичные деструктивные для социума формы идентичностей — неприятие чужого [35]. Это расплата общества за феномен массового сознания, подверженного идеологическим подменам с варварской начинкой (в смысле не артикулированности культуры и утраты символического начала в национальном). Решение проблемы видится в наличии символотворчества, а именно синтеза этнических символических конструкторов с гражданско-правовыми [35, с. 156].

Любая идентичность живет актами самобытия как в наличной, так и снятой форме. Вторичный по природе этнический символ сформирован на основе первичного символизма (или может быть редуцирован к первичному/метафизическому символу), имеющего непосредственное отношение к бытию. Однако вторичный этносимвол сформирован под мифологический способ «кодирования-интерпретации» [17, с. 54–72]. Несмотря на это, «хождение» вокруг него позволяло человеку традиционного общества исполнять прикладную значимость — оставаться в истине относительно нравственных императивов. Этнический символизм мифа — функционален.

В связи с этим выход из ситуации лежит в продлении онтологического основания национальной идентичности. Последнее решается расширением

семантического и концептуального мира этнического символа. Это необходимость сопряжения этно- и универсального метафизического символа философского качества. Наполнение этносимволизма универсальной метафизической семантикой должно стать определяющим в эпоху глобальной культуры. Последнее раскрывается сменой самоинституционализации этноса на социокультурную модернизацию, переходом от идеологической социокультурной идентичности к экзистенциальной, выраженной мыслью гражданских завоеваний. Здесь экзистенциальная идентичность играет роль формообразующего основания других способов идентичности, она обеспечивает фундирующую привязку и цельность всех составляющих идентичностей человека как члена общества с гражданской позицией.

Итак, становится понятным, что модернизация культуры этносов — это онтологический процесс выявления новых бытийных форм, наполненных новым содержанием. В политически инициированных модернизациях не существует преобразований на онтологическом уровне. Они представляют вариант внешней социальной модернизации, в которой отсутствует сопряжение с символическим спектром перенимаемой культуры.

Культурный федерализм в эпоху посткапитализма или возможного возврата к формам общественно-экономических формаций прошлого на новом витке технологического прогресса, когда вслед за тотальным материальным отчуждением следует отчуждение социокультурное, становится своеобразным защитным механизмом. Основанный на уникальном способе синтеза этнического и универсального, этот механизм позволяет творить оригинальные формы во всем спектре культурных форм — от искусства до политики и социальных институтов. Это способ интенсифицировать культурную жизнь, продуцируя культурные программы саморазвития, использующие синергетический эффект взаимодействия традиционного и современного. Сам культурный федерализм представляет одну из культурных программ или «правил игры», формообразующий элемент духовной жизни российской нации. Богатство и сила нашего государства в синергии многонациональности культур. Расцвет культурного саморазвития этнических культур России приходится на настоящее время, отсроченное от русского Серебряного века примерно на век. Возникает необходимость использования данного культурного перегрева регионов, выраженного в органически освоенном модерне региональными этническими культурами.

Рубеж тысячелетий отметил завершение этапа приложения этнического символизма к социальной размерности традиционного общества. Наступил этап раскрытия универсального начала в этническом пространстве символов.

В свете предлагаемой методологии оценки модернизационных преобразований, например, японская модернизация предстает вариантом модернизации без глубокого приобщения и выхода вторичного мифологического символизма на универсализм гражданских институций. Это — неосознанное желание обретения бытия, без распаковки сути культурного символизма модерна. Так, японцы оказались хорошими повторителями знакового уровня, который проявил себя в знаковой сфере технических знаний и умений. Сегодня подобное случилось в Китае и странах Юго-Восточной Азии [36].

Резюмируя, этномодернизация должна вобрать экзистенциальную идентичность, основываться на преобразованном символическом пространстве этнокультуры, «схватывающем» бытие. Метафизический символизм способен на этномодернизацию, основанную на айдентити, умении удержания пустой формы гражданских и демократических институций, выполнении ее смысла.

ВЫВОДЫ

Завершая исследование вопросов поиска новых форм устойчивости этнокультур средствами концепции культурфедерализма, можно сделать следующие выводы.

1. Глобализм предстает способом узурпации символических форм, снижения их метафизической значимости и ранга, вплоть до уровня знака, а практика устаревшей модели этнического федерализма приводит к сецессии и росту фундаменталистских установок. В эпоху глобальных миграций, расового и этнического смешивания апеллирование к моноэтническому даже декларативно выглядит анахронизмом, так как не отражает присутствие ансамбля этнических и иных культур. Для российской действительности титульная декларативность субъектов федерации, оставаясь конструктивным элементом стабильности, на фоне трансформации примордиалистской парадигмы в конструктивистскую, требует трансформации своего содержания в аспекте идей культурного федерализма.

2. Культурный федерализм предлагает выход на новый уровень федеративных отношений — синергию и конкуренцию культурных программ, результатом которых станет взаимоусиление кооперативного эффекта в выстраивании гражданских форм социальности, выявлении основ общенационального плебисцита.

3. Культурный федерализм по определению настроен на мультикультурное общество и нравственные императивы этнических культур, главное предназначение которых — возвращение гуманистических начал.

4. Культурный федерализм — это пестование национальной идеи России, консолидация и сплочение единой нации в единой концепции совместного кооперативного эффекта ансамбля культур.

Список источников

1. Дегтянов А. Российский федерализм как его не было // Регион. Эксперт. URL: https://region.expert/russian_federalism/ (дата обращения: 21.01.2022).
2. Салмин А.М. Новое президентство и федерализм в России: вызовы, проблемы и противоречия // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 10: Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития : материалы научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2000. С. 83—105.
3. Хибуа Г. Федерализм как средство преодоления конфликтов // Наша Абхазия : информационно-аналитический портал. URL: <http://abkhazeti.info/society/20080102225264904347.php> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Общество. Культура. Образование : монография / [Г.С. Васильева, Е.Л. Владимировна, С.А. Владимировна и др.]; под общ. ред. В.П. Старостина. Москва : Издательский дом Академии Естествознания, 2017. Кн. 3. 212 с.
5. Федотова В.Г. Хорошее общество. Москва : Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
6. Федотова В.Г. Глобализация и модернизация: фактор культуры // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 58—69. DOI: 10.17805/zpu.2017.4.6.
7. Федотова В.Г. Роль модернизации в цивилизационном проекте для России // Вопросы социальной теории. 2020. Т. 12. С. 222—236. DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-222-236.
8. Рзаева Р.О. Дихотомия «Запад — не-Запад» в дискурсе незападной современности и постмодерна // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 86—94.
9. Флиер А.Я. Принципиальные модели модернизации культурной среды // Знание. Понимание. Умение : информационный гуманитарный портал. 2013. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization/ (дата обращения: 21.01.2022).
10. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. О пользе неудачи: опыт России для исследований сравнительного федерализма // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т.14. № 3. С. 6—19. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-6-19.
11. Рэнд А. Возвращение примитива: Антииндустриальная революция. Москва : Альпина Паблишер. 2015. 347 с.
12. Сухорукова О.А. Мультикультурализм вчера и сегодня // Проблемы формирования культуры мира в образовательном пространстве Москвы : сборник научных статей. Москва : Московский городской педагогический университет, 2012. С. 137—141.

13. Бузгалин А. По ту сторону мультикультурализма: Футуризм как снятие консерватизма: в поисках альтернатив мультикультурализму // Свободная мысль. 2014. № 5 (1647). С. 5–20.
14. Пудов А.Г. Этномодерн — новая креативная парадигма художественной культуры Якутии // Мanuscript. 2019. № 4. С. 117–121. DOI: 10.30853/manuscript.2019.4.24.
15. Pudov A.G., Koryakina M.I., Yakovleva E.P., Efimova L.S., Shkurko N.S. Construction of Modern Ethno-Cultural Identity by Symbolic Art Forms as a Condition for Self-Development of Culture: on Example of Yakutia (Siberia, Russia) // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020. Vol. 12. № 4. P. 1–14. DOI: 10.21659/rupkatha.v12n4.15.
16. Пудов А.Г. Культурные параллели Ренессанса: представители европейского и русского Возрождения // Якутский философский журнал. 2020. № 3 (8). С. 4–10.
17. Пудов А.Г. Эстетика символического в эпоху транзитивной социальной реальности. Якутск : РИО медиахолдинга, 2014. 336 с.
18. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1–29.
19. Адань. Ранние культовые практики как основа духовных традиций эвенкского этноса и культурный код этнической культуры // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 1 (25). С. 5–15.
20. Мординов А.Е. Расцвет и взаимное обогащение культур народов СССР // Вопросы философии. 1951. № 6. С. 11–25.
21. Мординов А.Е. Актуальные проблемы развития межнациональных отношений в СССР // А.Е. Мординов. Избранные труды : в 2 т. Якутск: Бичик, 2010. Т. 2. С. 26–33.
22. Межуев В.М. Россия в диалоге культур. Москва : Наука, 2010. 432 с.
23. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / пер. с англ. А. Смирнова ; под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. 156 с.
24. Горшков М.К., Баграмов Э.А. «Новый национализм» и проблема наций в трактовке американских социальных теоретиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 733–751. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751.
25. Гасанова Н.К. Российский нарратив мультикультурализма // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 6 (56). С. 62–67.
26. Бенхабиб С. Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. ; под ред. В.И. Иноземцева. Москва : Логос, 2003. 350 с.
27. Questions of Cultural Identity / by ed. S. Hall, P. Gay. London: Sage Publications Ltd., 1996. 208 p.
28. Spaces of Culture: City, Nation, World / by ed. M. Featherstone, S. Lash. SAGE Publications Ltd, 1999. 291 p. DOI: 10.4135/9781446218723.
29. Фарукишин М.Х. Этнофедерализм: российский и зарубежный дискурс // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10. С. 40–51.
30. Пудов А.Г. Символическая экспликация эволюции этнокультуры: на примере народа саха // Философия и культура. 2018. № 1. С. 32–38. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.1.25165.
31. Пудов А.Г. Трансформация феномена этничности и вопросы этнокультурной модернизации в Республике Саха (Якутия) // Человек и Север: антропология, археология, экология : материалы IV Всероссийской научной конференции (2–6 апреля 2018 г.). Тюмень, 2018. С. 415–419.
32. Лисаковский И.Н. Диалог культур: механизмы, смыслы, результаты // Теория и практика культуры: альманах. Москва : Издательство РАГС, 2004. Вып. 1. С. 25–35.
33. Астафьева О.Н. Культура и гражданское общество: в поисках национально-культурной идентичности // Теория и практика культуры : альманах. Москва : Издательство РАГС, 2007. Вып. 5. С. 64–90.
34. Богатырева Т.Г. Государство и культура в условиях глобально-локальной динамики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2002. № 4. С. 61–74.
35. Новиков А.Г., Пудов А.Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации. Якутск : Издательство ЯГУ, 2005. 178 с.
36. Пудов А.Г., Новиков А.Г. Менталитет японцев и техногенная цивилизация. Якутск : Издательство ЯГУ, 2008. 208 с.

The Factor of Sustainability of Ethnic Culture in the Global World: To the Concept of Cultural Federalism

Aleksey G. Pudov

M.G. Safronov Yakut Scientific Research Institute of Agriculture, 23, Building 1, Bestuzheva-Marlinskogo Str., Yakutsk, 677001, Russia

ORCID 0000-0001-6215-9461; SPIN 1902-7104

E-mail: agro_on_line@mail.ru

Abstract. *The article proposes the concept of cultural federalism, which contributes to the sustainability of ethnic cultures in the era of global unification. The new understanding of federalism revives the meanings of modernity, contributing to the synergy of Russia's multinational culture, overcoming alienation, and disintegration of multiculturalism.*

The novelty of the topic lies in the substantiation of the concept of cultural federalism vs ethno-federalism. The concept is adequate to the cultural situation of modern Russia, its multinational cultural capital, capable of countering the secession with the integration model of interaction and mutual enrichment of cultural programs. The cultural federalism contributes to the development of a national Russian idea, the absence of which reduces the effect of national consolidation and nation-building.

The proposed concept serves as a tool for resolving the contradiction between the form and content of the "sleeping" ethnic federalism. The article considers the dialectical self-development of the federation subjects entering the era of organic socio-cultural modernization. This is expressed by the ethno-cultural renaissance in the field of art. Thus, the ethno-modern in the art of Yakutia demonstrates productivity, ensuring the sustainability of the ethnic cultures of the North-East of Russia from the erosion of their moral and spiritual foundations.

Key words: ethnic culture, ethnos, ethnic federalism, cultural federalism, globalization, symbolic forms of culture, multiculturalism, altermodern, ethno-modern, philosophical anthropology, philosophy of culture, sustainable development, ecology of culture, economics of culture.

Citation: Pudov A.G. The Factor of Sustainability of Ethnic Culture in the Global World: To the Concept of Cultural Federalism, *Observatory of Culture*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 4–14. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-1-4-14.

References

1. Degtyanov A. Russian federalism as it was not, *Region. Ekspert* [Region. Expert]. Available at: https://region.expert/russian_federalism/ (accessed 21.01.2022) (in Russ.).

2. Salmin A.M. The new Presidency and Federalism in Russia: Challenges, Problems and Contradictions, *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy. № 10: Rossiya posle vyborov: perspektivy ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Altai School of Political Studies Diary. Issue 10: Russia after the Elections: Prospects for Economic and Political Development: Proceedings of the Scientific-Practical Conference]. Barnaul, Altai University Publ., 2000, pp. 83–105 (in Russ.).
3. Khibua G. Federalizm kak sredstvo preodoleniya konfliktov [Federalism as a means of overcoming conflicts, *Nasha Abkhaziya: informatsionno-analiticheskii portal* [Our Abkhazia: information and analytical portal]. Available at: <http://abkhazeti.info/society/20080102225264904347.php> (accessed 21.01.2022) (in Russ.).
4. Vasil'eva G.S., Vladimirova E.L., Vladimirova S.A. et al. *Obshchestvo. Kul'tura. Obrazovanie: monografiya* [Society. Culture. Education: monograph]. Moscow, Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya Publ., 2017, book 3, 212 p.
5. Fedotova V.G. *Khoroshee obshchestvo* [Good Society]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005, 544 p.
6. Fedotova V.G. Globalisation and Modernization: the Culture Factor, *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2017, no. 4, pp. 58–69. DOI: 10.17805/zpu.2017.4.6 (in Russ.).
7. Fedotova V.G. The Role of Modernization in a Civilization Project for Russia, *Voprosy sotsial'noi teorii* [Questions of Social Theory], 2020, vol. 12, pp. 222–236. DOI: 10.30936/2227-7951-2020-12-222-236 (in Russ.).
8. Rzaeva R.O. The Dichotomy "West – Non-West" in the Discourse of Non-Western Modernity and Postmodernity, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2012, no. 12, pp. 86–94. (in Russ.).
9. Flier A.Ya. The Conceptual Models for Cultural Environment Modernization, *Znanie. Ponimanie. Umenie: informatsionnyi gumanitarnyi portal* [Knowledge. Understanding. Skill: informational humanitarian portal], 2013, no. 6. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization/ (accessed 21.01.2022) (in Russ.).
10. Busygina I.M., Filippov M.G. About the Benefits of Failure: Russian Experience for the Comparative Federalism Research, *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2020, vol. 14, no. 3, pp. 6–19. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-6-19 (in Russ.).
11. Rand A. *Return of the Primitive: The Anti-Industrial Revolution*. Moscow, Alpina Publ., 2015, 347 p. (in Russ.).
12. Sukhorukova O.A. Yesterday and Today of Multiculturalism, *Problemy formirovaniya kul'tury mira v obrazovatel'nom prostranstve Moskvy* [Problems of the Formation

- of a Culture of Peace in the Educational Space of Moscow. Moscow, 2012, pp. 137–141 (in Russ.).
13. Buzgalin A. On That Side of Multiculturalism. Futurism as an Aufheben of Conservatism: Looking for Alternatives of Multiculturalism, *Svobodnaya mysl* [The Free Thought], 2014, no. 5(1647), pp. 5–20 (in Russ.).
14. Pudov A.G. Ethno-Modernity as a New Creative Paradigm of Artistic Culture of Yakutia, *Manuskript*, 2019, no. 4, pp. 117–121. DOI: 10.30853/manuskript.2019.4.24 (in Russ.).
15. Pudov A.G., Koryakina M.I., Yakovleva E.P., Efimova L.S., Shkurko N.S. Construction of Modern Ethno-Cultural Identity by Symbolic Art Forms as a Condition for Self-Development of Culture: on the Example of Yakutia (Siberia, Russia), *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2020, vol. 12, no. 4, pp. 1–14. DOI: 10.21659/rupkatha.v12n4.15.
16. Pudov A.G. Cultural Parallels of the Renaissance: Representatives of the European and Russian Renaissance, *Yakutskii filosofskii zhurnal* [Yakutsk Philosophical Journal], 2020, no. 3 (8), pp. 4–10 (in Russ.).
17. Pudov A.G. *Estetika simvolicheskogo v epokhu tranzitivnoi sotsial'noi real'nosti* [Aesthetics of the Symbolic in the Era of Transitive Social Reality], Yakutsk, 2014, 336 p.
18. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities, *Daedalus*, 2000, vol. 129, № 1, pp. 1–29.
19. Adan'. Early cult practices as the basis of spiritual traditions of the Evenk ethnos and the cultural code of ethnic culture, *Nauka. Iskustvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture], 2020, no. 1 (25), pp. 5–15 (in Russ.).
20. Mordinov A.E. The Flourishing and Mutual Enrichment of the Cultures of the Peoples of the USSR, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1951, no. 6, pp. 11–25. (in Russ.).
21. Mordinov A.E. Actual Problems of the Development of Interethnic Relations in the USSR, *Selected Works: in 2 vol.* Yakutsk, Bichik Publ., 2010, vol. 2, pp. 26–33. (in Russ.).
22. Mezhuiev V.M. *Rossiya v dialoge kul'tur* [Russia in the Dialogue of Cultures]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 432 p.
23. Žižek S. *Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'ti-kul'turalizm* [Interpassivity. Desire: Attraction. Multiculturalism]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2005, 156 p. (in Russ.).
24. Gorshkov M.K., Bagramov E.A. “New Nationalism” and the Issue of Nations in the Interpretation of American Social Theorists, *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2020, vol. 20, no. 4, pp. 733–751. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751 (in Russ.).
25. Gasanova N.K. Russian Narrative of Multiculturalism, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2013, no. 6 (56), pp. 62–67 (in Russ.).
26. Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Moscow, Logos Publ., 2003, 350 p. (in Russ.).
27. Hall S., Gay P. (eds.) *Questions of Cultural Identity*. London, Sage Publ. Ltd., 1996, 208 p.
28. Featherstone M., Lash S. (eds.) *Spaces of Culture: City, Nation, World*. SAGE Publ. Ltd, 1999, 291 p. DOI: 10.4135/9781446218723.
29. Farukshin M.Kh. Ethnofederalism: Russian and Foreign Discourse, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2012, no. 10, pp. 40–51 (in Russ.).
30. Pudov A.G. Symbolic Explication of the Evolution of Ethnoculture: the Example of the Sakha People, *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2018, no. 1, pp. 32–38. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.1.25165 (in Russ.).
31. Pudov A.G. Transformation of the phenomenon of ethnicity and issues of ethnocultural modernization in the Republic of Sakha (Yakutia), *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology: Proceedings of the 4th All-Russian Scientific Conference (Tyumen, 02–06.04.2018)], Tyumen, 2018, pp. 415–419 (in Russ.).
32. Lisakovskii I.N. Dialogue of Cultures: Mechanisms, Meanings, Results, *Teoriya i praktika kul'tury: al'manakh* [Theory and Practice of Culture: almanac], Moscow, RAGS Publ., 2004, issue 1, pp. 25–35 (in Russ.).
33. Astafyeva O.N. Culture and Civil Society: in Search of National and Cultural Identity, *Teoriya i praktika kul'tury: al'manakh* [Theory and Practice of Culture: almanac], Moscow, RAGS Publ., 2007, issue 5, pp. 64–90 (in Russ.).
34. Bogatyreva T.G. State and Culture in the Context of Global-Local Dynamics, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2002, no. 4, pp. 61–74 (in Russ.).
35. Novikov A.G., Pudov A.G. *Mentalitet severyan v kontekste tsirkumpolyarnoi tsivilizatsii* [The Mentality of the Northerners in the Context of the Circumpolar Civilization]. Yakutsk, YaGU Publ., 2005, 178 p.
36. Pudov A.G., Novikov A.G. *Mentalitet yapontsev i tekhnogennaya tsivilizatsiya* [Japanese Mentality and Technogenic Civilization]. Yakutsk, YaGU Publ., 2008, 208 p.